

Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ ¹⁾).

(Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 года по 30 іюля 1905 года).

3-го марта Кокчетавъ.

26-го февраля пріѣхалъ въ Омскъ командующій Сибирской казачьей дивизіей генераль-маіоръ Симоновъ. Генералъ Чириковъ, войсковой старшина Калачевъ (5 Сиб. каз. полка) и я встрѣтилъ его ночью на станціи. Николай Алексѣвичъ высокаго роста, строень, хотя и слегка полонъ; немного напоминаетъ мнѣ генерала Н. А. Орлова. У него небольшая борода, отличные каштановые волосы и очень зоркіе сѣрые глаза. Въ своей папахѣ на бекрень онъ производитъ очень внушительное впечатлѣніе; вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Алексѣвичъ очень внимателенъ ко всѣмъ; къ подчиненнымъ онъ доводитъ свое вниманіе до сердечности и глубоко заглядываетъ въ ихъ душу. Оно и естественно: онъ такъ хорошо и давно всѣхъ ихъ знаетъ.

Наша первая встрѣча была сердечна и радостна; она носила тотъ характеръ задушевности, которая могла бы свидѣтельствовать о нашемъ давнишнемъ близкомъ знакомствѣ.—Днемъ, на докладѣ, выяснилось, что отсрочкой отправленія дивизіи на театръ войны рѣшено воспользоваться въ цѣляхъ сплоченія всѣхъ частей, строевой подготовки сотенъ и полковъ, а также для тактическихъ занятій офицеровъ.

Я засѣлъ за работу и подготовилъ приказъ по дивизіи о занятіяхъ, которымъ придалъ извѣстную систему; служба дозоровъ,

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

летучая почта, служба разъездовъ, сторожевая служба (сотень); тактическія ученія сотень и полковъ (лава); бригадныя ученія... виды атакъ (лава)... Подготовилъ также приказъ о тактическихъ занятіяхъ офицеровъ.

На другой день генераль Симоновъ былъ у генерала Сухотина и докладывалъ о дѣлахъ дивизіи. Командующій войсками приказалъ командировать капитана Посохова и меня въ Кокчетавъ, Петропавловскъ и Прѣсновскую для веденія тактическихъ занятій съ офицерами. Ёхать надо было сегодня же, почему я спѣшно покончилъ дѣла въ штабѣ и ночью же отправился въ дорогу—въ Кокчетавъ и Петропавловскъ, а капитану Посохову поручено вести эти занятія въ Омскѣ, а затѣмъ въ Прѣсновской.

Я уже веду занятія въ Кокчетавѣ.

Отъ Омска до Петропавловска доѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Пока устраивался съ лошадьми, чтобы ёхать уже дальше въ кибиткѣ, остановился въ гостиницѣ. Здѣсь засталъ командующаго 8 Сиб. каз. полкомъ войскового старшину Алексѣева. Плотный и видный мужчина. Видимо лихой казакъ, но некомандирскаго направленія. Посмѣялся онъ надъ моимъ одѣяніемъ для предстоящей зимней поѣздки степью. Казалось, я одѣтъ былъ основательно: во всемъ тепломъ бѣльѣ, на ногахъ пуховые чулки выше колѣнъ и бурочные сапоги, пальто на мѣху, папаха, рукавицы и зимняя николаевская шинель. Не успѣлъ я одѣться въ такой видъ, какъ казалось, долженъ былъ свариться отъ жары, а природные сибиряки меня засмѣяли: „это все годится лишь для прогулокъ по Невскому проспекту“. Не убѣдилъ ихъ и мой доводъ, что тамъ я ходилъ на зимніе парады въ лѣтнемъ пальто, а на ногахъ кромѣ нитяныхъ носокъ, никогда и въ заводѣ не имѣлъ, да и сапоги одѣвалъ всегда самые легкіе. Пришлось согласиться съ ихъ опытностью и, ко всему моему зимнему одѣянію, прибавить огромное баранье одѣяло, въ которомъ могли свободно завернуться двое. Безъ такого одѣяла здѣсь по степи зимой никто не ѣздитъ.

Выѣхалъ я изъ Петропавловска около 5-ти часовъ дня. Было тихо; солнце уже низко; 10^о морозу. Посмотрѣлъ на карту, взглянулъ на горизонтъ, куда надо было держать путь-дорогу, и завернулъ въ шинель. За ночь предстояло отмахать на перекладныхъ 180 верстъ. Часовъ въ 12 дня 28-го февраля рассчитывалъ быть уже въ Кокчетавѣ.

Скоро стало темно совершенно. Ямщикъ татаринъ, или киргизъ, посвистывалъ да покрикивалъ на свою тройку коней, отчаянно подпрыгивалъ на своемъ деревянномъ сидѣннѣ, скрипѣли полозья... Время точно остановилось, такъ казалось медленно оно стало идти:

мысли о новых лицахъ, новой обстановкѣ, о новыхъ встрѣчахъ, вереницей смѣняли другъ друга; переносились внезапно домой и, казалось, я вижу всѣхъ мнѣ близкихъ среди ихъ обычныхъ занятій и среди насъ крѣпко засѣвшихъ въ памяти предметовъ родного гнѣзда; вотъ даже голоса ихъ слышишь и отвѣчаешь имъ на вопросы... Оказывается, это я отвѣчаю совершенно неудачно на зычное покрякиванье ямщика, который даже ко мнѣ и не обращался съ вопросомъ. Я задремывалъ и приходилъ въ сознание отъ болѣе сильныхъ толчковъ своей кибитки, которая неистово ныряла изъ ухабы въ ухабу, точно утлая ладья на волнахъ. Гдѣ и куда я ѣду, про то знаетъ ямщикъ, да привычные кони, которые отлично бѣгутъ, торопясь скорѣе къ знакомому пристанищу... пикету. На пикетахъ мѣняли лошадей, перекладывали мой несложный багажъ, на облучекъ вскакивалъ другой такой же ямщикъ-киргизъ, и мы катили дальше по „невѣдомой дорожкѣ, средь невѣдомыхъ степей“... Было совершенно темно, подулъ вѣтеръ, шелъ небольшой снѣгъ. На одной изъ остановокъ поглядѣлъ на градусникъ и удивился, было 22° морозу. Теперь мнѣ стали понятны совѣты и настоятельная необходимость взять это баранье одѣяло въ дорогу. Я даже завернулся въ него основательнѣе; хотѣлъ дремать, даже уснуть, но проклятые ухабы и эти постоянные ритмичные удары передней части полозьевъ такъ ударяли по головѣ, такъ неумолимо трясли, что пришлось бросить всѣ мечты не только о снѣ, но даже о минутѣ покоя. Эта тряска къ 100 верстѣ такъ исколотила меня, что я пересталъ даже сопротивляться ей: принялъ лежачее положеніе и только ждалъ съ тоскою и нетерпѣніемъ спасительнаго пикета. Тамъ хоть полчаса можно провести безъ этихъ ударовъ и тряски, которые такъ мучительно отражались на моихъ мозгахъ. Я не испыталъ морской болѣзни, но эти ощущенія вѣроятно имъ сродни: аппетита я лишился совершенно, о пищѣ противно было думать; два раза пытался пить чай, но больше одного стакана одолѣть не могъ. Часовъ въ 10 утра былъ крайне обрадованъ, когда старикъ казакъ на пикетѣ сказалъ мнѣ, что до Кокчетава остался лишь одинъ перегонъ, да и дорога лучше. На счетъ дороги согласиться я не могъ съ нимъ, но что это послѣднія терзанія, то это оказалось вѣрнымъ. Около 12 часовъ дня я выѣхалъ въ широкую улицу, миновалъ базаръ, который легко было узнать по рядамъ его лавокъ, и остановился у дома станичнаго атамана. Мнѣ сейчасъ же указали недалеко домъ казачки Лазаревой, у которой мнѣ было отведено помѣщеніе.—Маленькій одноэтажный домикъ, общій видъ котораго такъ напоминаетъ домики окраинъ нашихъ уѣздныхъ городовъ центральной Россіи, пріютилъ меня подъ своей кровлей. Черезъ дворъ и сѣнды меня провели въ

свѣтлую довольно помѣстительную комнату въ два окна. Образа съ лампадкой, олеографіи, фотографическія карточки на стѣнахъ, на окнахъ герань и занавѣски, комодъ и столы накрыты вязанными узорчатыми скатертями, диванъ и мягкіе стулья составляли обстановку этой комнаты. Чистота всей обстановки комнаты, половики и дорожки, яркое освѣщеніе солнечнымъ свѣтомъ, властно врывающимся въ оба окна комнаты, придавали ей пріятный и уютный видъ. Такое же симпатичное и привѣтливое впечатлѣніе произвела на меня и сама хозяйка этого домика, казачка Лазарева. Женщина за 40 лѣтъ, вдова, опрятно и просто одѣтая, она хранила въ себѣ всѣ черты русской женщины: скромная, но полная сознанія своего достоинства, открыто привѣтливая, но далекая отъ докучливости, она проникнута тѣмъ чувствомъ гостепріимства, которое невольно располагаетъ къ ней всякаго человѣка, который волею судебъ попадаетъ подъ ея кровъ и покровительство. Она охотно взяла на себя труды и заботы о моемъ продовольствіи и, такимъ образомъ, я оказался у нея на полномъ пансіонѣ. И какимъ мастеромъ своего дѣла она оказалась, я узналъ только тогда, когда увидѣлъ у себя на столѣ и горячіе пирожки, и ватрушки, и коробочки изъ хвороста и заливное изъ дичи, и паровую рыбу, и кулебяку, разное соленье, варенье, жаркія и т. п. Масло, сливки, творогъ она подавала такихъ удивительныхъ качествъ чистоты, бѣлизны и вкуса, что я не могъ себѣ и представить, что эти продукты бываютъ такими. Не обошлось дѣло и безъ блиновъ и пельменей. Что меня поразило, такъ это то, что утромъ въ 7—8 часовъ, за утреннимъ чаемъ у меня уже красовались горячіе пирожки, коржики, эти коробочки... Искусница хозяйка успѣвала все это уже приготовить и, вмѣстѣ съ самоваромъ, все это уже появлялось на столѣ. Оказывается, что это сибирскій обычай: утромъ надо „заправиться и основательно горячимъ“ . . . . .

Съ непривычки, да еще послѣ этой тряски въ дорогъ, къ глубокому огорченію моей хозяйки, я буквально не могъ рѣшиться первые дни даже попробовать „эти прелести“ кулинарнаго искусства; но потомъ я оцѣнилъ ихъ по достоинству...

Вообще жизнь моя въ домѣ этой удивительной женщины казачки Лазаревой въ Кокчетавѣ полна того отраднаго мира и тишины, которые могутъ создать только такія чисто русскія натуры, какъ эта казачка Лазарева. Вотъ гдѣ хранится колыбель русской души, нетронутая вѣками исторической жизни Россіи, вотъ гдѣ можно видѣть эту душу во всей чистотѣ, въ силѣ и неодолимой прелести. Какъ сильно должны мы ненавидѣть всю эту культуру Запада, которая такъ губительно вліяетъ на чистоту міровоззрѣнія и самую жизнь

коренного русскаго народа и его быта. Да, только здѣсь, безъ этихъ желѣзныхъ дорогъ, куда еще недавно надо было „три года скакать и то не доскачешь“, эта чистота ея только и сохранилась и именно въ женщинѣ. Спасибо казакамъ: лучше устроить меня въ Кокчетавѣ они не могли. Какъ могъ только, но отъ души поблагодарилъ Лазареву за всѣ ея заботы и хлопоты.

Въ первый же день въ Кокчетавѣ познакомился съ семьей командующаго дивизіей, съ командующимъ 4 Сибирскимъ казачьимъ полкомъ, войсковымъ старшиной Калачевымъ, съ командующимъ 7-мъ Сиб. казачьемъ полкомъ, войск. старш. Старковымъ, помощниками командировъ этихъ полковъ, войсковымъ старшиной Н. А. Водошняновымъ и есауломъ Водошняновымъ, побывалъ въ хозяйственномъ правленіи 1-го отдѣла и назначилъ время веденія занятій съ офицерами. Здѣсь собраны сотни 4-го Сибирскаго казачьяго полка—3, 4, 5 и 6 сотни, и 7 Сибирскаго казачьяго полка—3, 4, 5 и 6-я сотни. На сегодня назначилъ занятіе съ 5 часовъ дня, а въ послѣдующіе дни съ 10 часовъ утра до 1-го часу дня и съ 5 до 8 часовъ вечера. 4 марта я долженъ былъ ѣхать уже въ Петропавловскъ. 5 дней занятій—срокъ крайне незначительный, но увеличить его было рискованно: надо было успѣть хотя бы столько же дней удѣлить на занятія въ Петропавловскѣ, а неопредѣленность срока задержки полковъ дивизіи могла не позволить выполнить даже и этотъ планъ занятій; посадку ждали со дня на день. Впервые я увидѣлъ офицеровъ полковъ дивизіи; впервые мою аудиторію составляли офицеры спеціальнаго рода оружія; впервые я сознавалъ, что каждое мое слово, каждый пріемъ и указаніе должны найти себѣ примѣненіе въ дѣйствительной боевой обстановкѣ... Занятія начались... Замѣтно стихъ говоръ 30 съ лишнимъ офицеровъ, у многихъ въ рукахъ появились тетради; всѣ дѣлали чертежи, помѣтки; записывались вопросы, отвѣты, разборъ ихъ и моихъ замѣчаній. Многочисленные задачи рѣшались при разныхъ условіяхъ обстановки, вырабатывались основы рѣшеній, записывались, запоминались... Часы проходили незамѣтно: вмѣсто 8 часовъ вечера занятія окончились послѣ 11 часовъ вечера. И такъ каждый день. Никто изъ офицеровъ не пропустилъ ни одного часа занятій. Офицеры, казалось, жадно впитывали въ себя тѣ знанія, то освѣщеніе ихъ, которое имъ было необходимо для разрѣшенія сомнѣній, для ихъ увѣренности въ предстоящей работѣ. Я, по истинѣ, былъ изумленъ тѣмъ энтузіазмомъ, который царилъ съ неослабнымъ напряженіемъ, въ теченіе этихъ крайне длительныхъ занятій; проявленный офицерами интересъ и усердіе въ данномъ случаѣ достойны глубокаго вниманія; во мнѣ залегла полная вѣра, сильная и безграничная, въ офицерскій составъ

Сибирской казачьей дивизии: работа ихъ будетъ на высотѣ самыхъ серьезныхъ требованій современнаго боя и похода. 3 марта вся наша компанія оживленно поужинала послѣ занятій и долго, долго еще вела бесѣду... Я вернулся домой въ третьемъ часу ночи: пустынные улицы Кокчетавы были тихи, а полная луна, на безоблачномъ небѣ, заливала ихъ своимъ бѣлымъ свѣтомъ, далеко отбрасывая черныя тѣни домовъ. Такъ ясно, тихо и покойно бываетъ на душѣ у человека, когда сомнѣнiямъ и тревогамъ нѣтъ мѣста въ ней, когда вся жизнь, съ ея расчетами и суетою, покрыта этой непроглядной тьмой. Кто знаетъ жребій свой? Но счастливъ тотъ, кто въ бой идетъ со спокойною и съ чистою душой. Во время перерыва между занятіями днемъ я взобрался на гряду высотъ, которая съ запада окаймляетъ Кокчетавъ. Эта гряда невольнo привлекаетъ къ себѣ вниманіе среди этой безбрежной ровной степи. Вершины этихъ холмовъ обнажили свои каменные наклонныя напластованія и точно хребетъ какого-то невѣдомаго чудовища, почернѣвшаго и поросшаго мхами, они рѣзко обрисовываются на фонѣ безоблачнаго неба. Сидишь здѣсь, поудобнѣе примостившись на камняхъ и завернувшись въ шинель; солнце пригрѣваетъ, а Кокчетавъ разстилается внизу со всѣми своими широкими улицами, незатѣйливыми домиками, часто убогими и даже безъ крышъ и соломы на нихъ. Впечатлѣніе невеселое: бѣдно и неуютно. Подъ самой горой, гдѣ сижу,—большое озеро, частью еще подо льдомъ; вода въ немъ солоноватая; изъ него змѣйкой выбѣгаетъ ручеекъ и гдѣ-то исчезаетъ въ степи въ сѣверо-восточномъ направленіи. Церковь и минаретъ высоко подымаются надъ всѣмъ Кокчетавомъ и, вѣроятно, видны издали. Отсюда же виденъ базаръ, домъ, гдѣ живетъ семья генерала Симонова, хозяйственное правленіе 1-го отдѣла, острогъ съ бревенчатымъ высокимъ заборомъ и, кажется, единственное каменное зданіе въ Кокчетавѣ—грандіозныя изъ краснаго кирпича постройки склада „монопольки“. Въ далекой синевѣ на югѣ виднѣются очертанія горъ: это, говорятъ, горы съ чуднымъ сосновымъ лѣсомъ, съ озерами и ручьями чистѣйшей воды, съ тихой покойной жизнью, солнцемъ, прохладой и кумысомъ—„Боровое“, самой природой устроенная санаторія.

Такова столица 1-го отдѣла Сибирскаго войска Кокчетавъ. Въ настоящее время она переполнена еще семьями казаковъ, которыя всѣ собрались сюда провести послѣдніе дни и проводить своихъ отцовъ, мужей и братьевъ въ далекій походъ. Здѣсь, какъ и въ Омскѣ, я вижу грудныхъ дѣтей на рукахъ у казачекъ, малышей мальчугановъ въ папахахъ съ краснымъ верхомъ, подростковъ... Они по долгу стоятъ у воротъ своихъ помѣщеній и тихо ведутъ бесѣду... О содержаніи ея догадаться не трудно: какъ справиться съ хозяй-

ствомъ этимъ казачкамъ однѣмъ... придется ли дождаться радостной встрѣчи...

Придется ли и мнѣ когда-либо увидѣть въ жизни Кокчетавъ, покидая который я отъ души долженъ сказать ему родное спасибо.

6-го марта. Петропавловскъ.

5-го марта, совершивъ вторично 180 верстъ путешествія по степнымъ „волнамъ“, я былъ уже въ Петропавловскѣ. Мнѣ отвели квартиру въ домѣ бывшаго купца-киргиза Баязидова. Это уже даже не домъ, а настоящій дворецъ. Надо видѣть эти огромнѣйшихъ размѣровъ бревна, изъ которыхъ сложенъ домъ, чтобы имѣть правильное понятіе о лѣсныхъ богатствахъ Сибири. А какая работа, прочность и чистота. Огромныя окна, масса свѣта, высота потолковъ вызываютъ удивленіе и говорятъ о вкусахъ и правильныхъ взглядахъ на строительное искусство. Планировка же дома ясно свидѣтельствуетъ, что здѣсь былъ гаремъ, повидимому, для трехъ женъ ихъ повелителя. У каждой жены было помѣщеніе изъ двухъ комнатъ совершенно отдѣльныхъ, и только общій корридоръ объединялъ эту часть дома въ одно цѣлое помѣщеніе.

Помѣщенія самого повелителя сохранили обстановку строго восточныхъ вкусовъ, и только раздвижной обѣденный столъ, да кровать съ пружиннымъ матрацемъ дисгармонировали съ этими коврами, войлоками, низкими широкими диванами, крашеными сундуками и горками съ посудой и утварью.

Гдѣ самъ владѣлецъ этихъ богатствъ, почему такъ опустѣлъ его домъ, прекратились радости гаремной жизни, я точно узнать не могъ...

Сегодня уже были занятія съ офицерами 5 и 8-го Сиб. казачьихъ полковъ. Организовалъ ихъ такъ же, какъ и въ Кокчетавѣ. Присутствовали командующій дивизіей и генераль Чириковъ.

Отношеніе офицеровъ къ занятіямъ и здѣсь достойно той же выдающейся лестной оцѣнки, какъ и въ полкахъ 1-й бригады. При такихъ условіяхъ легко было работать и по десяти часовъ въ день. Занятія ведутся въ городскомъ собраніи; помѣщеніе небольшое, но очень достаточное и удобное.

10-го марта.

Сегодня послѣдній день занятій. Онъ закончился общимъ завтракомъ, на которомъ присутствовалъ и генераль Симоновъ. Не обошлось дѣло и безъ рѣчей. Я съ жадностью слушалъ рѣчь Николая Алексѣевича; просто и ясно высказывалъ онъ свои взгляды на необходимость обдуманной работы въ бою, на согласованіе знаній съ умѣніемъ примѣнить ихъ къ обстановкѣ; въ выносливости и

лихости своихъ казаковъ онъ не сомнѣвался и чрезвычайно образно обрисовалъ традиціонную отличительную черту конныхъ атакъ Сибирскихъ казаковъ (въ Туркестанѣ): тамъ они работали всегда „чисто“, т. е. въ такихъ атакахъ противникъ ложился подъ шашками и пиками казаковъ до послѣдняго, да и отказа въ атакахъ казаки не знали. Я не могъ удержаться и отъ души изложилъ своимъ новымъ товарищамъ, съ которыми судьба послала меня идти въ бой, навѣянную мнѣ моими думами „легенду о стремленіи Ермака Тимофеева дойти до водъ Тихаго океана“... и пожелалъ вмѣстѣ съ ними нынѣ осуществить эту великую задачу скорѣйшимъ занятіемъ Сеула и Фузана.

Вечеркомъ былъ на станціи и, въ разговорѣ съ начальникомъ станціи „Петропавловскъ“, узналъ, что посадка Сибирской казачьей дивизіи возможна не ранѣе 5-го апрѣля.

Много грустныхъ думъ навѣяла эта новость: помириться съ нею не находилъ въ себѣ силъ, и въ головѣ неотвязно сидѣла мысль: нѣтъ, такъ воевать нельзя даже съ китайцами. Эта неопредѣленность заставляетъ все дѣлать торопливо; даже тактическія занятія рѣшено было покончить въ двѣ недѣли съ переѣздами. Оказывается еще цѣлый мѣсяцъ въ нашемъ распоряженіи, а использовать это время въ какой-либо системѣ нельзя, ибо каждый день ждемъ своей посадки въ вагоны и каждый день засыпаемъ съ мыслью и надеждой, что „завтра“ принесетъ намъ это распоряженіе. Во всемъ сказывается какая-то душу возмущающая безсистемность и необдуманность. Вѣдь если правда, что посадку нельзя произвести ранѣе начала апрѣля, то и мобилизацію въ Сибири и въ войскѣ слѣдовало объявить лишь въ половинѣ марта, а не въ концѣ января; страшно подумать: на полтора-два мѣсяца всѣхъ взбудоражили раньше времени, да и денегъ сколько зря потрачено. Лучше бы эти деньги въ свое время отпустили на болѣе основательное приведеніе въ порядокъ всего имущества казаковъ, да на ту же артиллерію и пулеметы, которыхъ въ войскѣ даже и вовсе нѣтъ. А теперь фантазируемъ, какъ бы ихъ создать изъ какого-то старья...

Тяжело все это сознавать и видѣть эти измученныя семьи казаковъ.

Г. А. Даниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

